

Чельшев Павел Валентинович

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ КАК ФОРМ ПОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

В статье проводится сравнительный анализ науки и религии как особых форм познавательной деятельности, имеющих свои предметы, структуру и методы исследования. Если наука нацелена на изучение объективных закономерностей природы и общества, то религия занята познанием внутреннего мира субъекта, установлением связи человека со сверхъестественной реальностью и последующим утверждением человека в вечности. Показано, что наука и религия при чтении "Книги природы" и Священного Писания дополняют друг друга в познании Истины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 195-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Аристотель.** Большая этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 295-374.
2. **Аристотель.** Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53-293.
3. **Аристотель.** Риторика / пер. с древнегреч. и примеч. О. П. Цыбенко; под ред. О. А. Сычева и И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 253 с.
4. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
5. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. **Гоббс Т.** Философские основания учения о гражданине. М.: Харвест; АСТ, 2001. 304 с.
7. **Гроций Г.** О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
8. **Кант И.** Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 224-581.
9. **Платон.** Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 2. 731 с.
10. **Фома Аквинский.** Сумма теологии. Киев: Ника-Центр, 2010. Ч. II-I. Вопросы 90-114. 434 с.

**NOTION “JUSTICE” AT THE MAIN STAGES
OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF PHILOSOPHICAL THOUGHT**

Tsyrendorzhiya Dari Shoibonovna, Doctor in Philosophy, Professor
Gneusheva Ekaterina Borisovna
Buryat State University
dari145@mail.ru; tanyagneusheva88@yandex.ru

The article explores the problem of defining the notion “justice” in the social-philosophical context, analyzes scientific approaches to the essence of the notion under consideration that existed at different stages of historical development of philosophical thought. The authors claim that the notion “justice” is one of the most ambiguous philosophical categories, because there is no unified opinion on the essence of this notion in science yet.

Key words and phrases: justice; judiciary; justness; fairness; court; government.

УДК 165

Философские науки

В статье проводится сравнительный анализ науки и религии как особых форм познавательной деятельности, имеющих свои предметы, структуру и методы исследования. Если наука нацелена на изучение объективных закономерностей природы и общества, то религия занята познанием внутреннего мира субъекта, установлением связи человека со сверхъестественной реальностью и последующим утверждением человека в вечности. Показано, что наука и религия при чтении «Книги природы» и Священного Писания дополняют друг друга в познании Истины.

Ключевые слова и фразы: знание; истина; культура; методология; наука; новое время; познание; религия; Средние века.

Чельшев Павел Валентинович, д. филос. н., профессор

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва
Simeon5@rambler.ru

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ
КАК ФОРМ ПОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ**

Проблема соотношения религии и науки, веры и знания имеет давнюю историю. Наиболее остро она встала в средневековой западноевропейской философии в связи с осознанием роли и места сверхъестественного Откровения в культуре. Тогда возникли три основные парадигмы решения этой проблемы.

В первом случае признавалось абсолютное превосходство веры над знанием. Представители данной точки зрения были религиозными экстремистами, которые утверждали, что библейское Откровение дано людям вместо всякого иного знания. Духовным вдохновителем этого направления был богослов и писатель Тертуллиан (160 г. – после 220 г.), постоянно подчеркивающий пропасть между Афинами и Иерусалимом, между греческой философией и Священным Писанием, о чем подробно пишет Л. Шестов в своей известной книге «Афины и Иерусалим» [20]. Смысл его позиции коротко можно выразить в виде парафразы: «Верую, ибо абсурдно».

Выразители второго направления, т.н. «латинские аввероисты», отстаивали примат разума над верой и, соответственно, философии и науки над религией. На словах они выступали за религию, а на деле доказывали преимущество света естественного разума над светом Откровения. Они полагали, что надо понимать, а не верить. В итоге, в 1277 году епископ Парижа Этьен Тампьер осудил 219 тезисов аввероистов.

Наконец, представители третьего направления, возглавляемого святым католической церкви Фомой Аквинским (1225-1274), призывали к гармонии веры и разума. Фома Аквинат полагал, что надо развести в разные стороны веру и знание и не смешивать их. Если научное знание базируется на силе разума и доказательствах, то религия основана на знании, явленном Богом [5, с. 397-416].

В Новое время ситуация стала меняться в худшую сторону. Начиная с XVIII века, французские энциклопедисты целенаправленно внедряли в общественное сознание идею противостояния науки и религии. В XIX-XX веках эта идея получила свое второе рождение в рамках позитивизма, согласно которому самой совершенной формой познания объявлялась эмпирическая наука, приносящая точное, положительное знание. На основе этого эмпирического знания планировалось построить «научное мировоззрение», способное заменить догматическую религию и старую абстрактную метафизику.

В рамках новой идеологии религия рассматривалась исключительно как «фантастическое» мировоззрение, противостоящее научному взгляду на мир. Эта мысль сначала захватила Европу, а затем и Россию, где после октябрьской революции 1917 года наука была объявлена единственно достоверной формой знания. Религия же рассматривалась в качестве антинаучного мировоззрения, иллюзорно облегающего жизнь народа. К. Маркс писал по этому поводу: «Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [10, с. 415].

В XXI веке философы вынуждены заново решать старые проблемы на новом витке развития культуры в связи с возникшими в общественном сознании разногласиями, достигшими наивысшей точки напряжения в «Письме десяти академиков», опубликованном в открытой печати 22 июля 2007 года [15]. Задача статьи как раз и состоит в том, чтобы провести сравнительный анализ науки и религии, объективно рассмотрев их достоинства и недостатки как форм познания.

Для этого необходимо выяснить природу этих явлений культуры, предметы их исследования, структуру и методы познания. Что есть наука? Воспользуемся готовым определением науки: «Наука – особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире... Наука ставит своей целью выяснить существенные связи (законы), в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности» [13, с. 23]. Замысел классической науки состоял в достижении объективного знания о законах природы, общества и человека.

Религия же, в отличие от науки, имеет другой предмет исследования: она нацелена на познание не естественного, а сверхъестественного мира и вовсе не стремится к идеалу объективного знания, хотя его полностью и не исключает. Она есть *связь* (лат. *religare* – связывать, соединять) одного субъекта с другим, человека со сверхъестественной реальностью. Религия устремлена на постижение связи не ограниченного и конечного предмета с другим конечным предметом, а человека с бесконечным Богом. Поэтому Ф. Шлейермахер и говорит, что «истинная наука есть законченное созерцание; истинная религия есть чувство и вкус к бесконечному» [21, с. 83]. При этом, сфера ее проявления не внешнее чувство, как в художественной деятельности, но внутреннее чувство человека в его отношении к Богу. Речь здесь идет, прежде всего, о любви, ибо «кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» [3, Ин. 4: 8].

Поскольку внутреннее чувство является самостоятельной сферой в жизнедеятельности человека, постольку религия как дело любви Бога к человеку и человека к Богу самоценна и автономна по отношению к другим формам человеческой активности вообще и познавательной в частности [18, с. 198]. Указанный источник религиозного познания является важнейшим, хотя и не единственным. Он есть то зерно, из которого вырастает полноценное дерево – культ, демонстрирующий утвержденность религиозного чувства как в материальном мире, так и в трансцендентном. Развитая религия включает в себя как внутреннее чувство, так и внешнее его проявление. По мнению А. Ф. Лосева, «религия есть всегда то или иное *самоутверждение личности в вечности...*» [9, с. 481]. Это самоутверждение человека в вечности достигается в религиозном культе, или Таинствах, которые соединяют субъективную и объективную, естественную и сверхъестественную реальности между собой.

Поскольку наука и религия решают разные задачи (наука – познание закономерностей внешнего мира, а религия – спасение души и познание Бога) и имеют разные предметы исследования, постольку они не пересекаются между собой и не мешают друг другу. Каждая занимается своим делом.

Претензии науки на роль «законодателя моды» в религиозной области смешны и беспочвенны. Даже в своей собственной области холодный объективный ум науки на сегодняшний день многих уже не устраивает, так как завел современное человечество в цивилизационный тупик, обольстив его обещаниями красивой и комфортной жизни подобно тому, как греки обманули троянцев, подсунав им деревянного Коня с сюрпризом. Сейчас люди молятся на кибернетику в надежде избавления от многих рутинных обязанностей. Но постепенно и незаметно кибернетика может превратить людей в дрессированных животных, приученных нажимать на определенные кнопки или педали для получения «лакомого кусочка», подобно собачкам Павлова. Когда же она охватит большую часть жизненных проявлений, в которых человек раньше обходился без ее помощи, то начнет диктовать свои правила игры, превращая их в беспощадный ультиматум. Антропологический кризис уже налицо.

Рациональный научный ум также не оставляет места для внутреннего тепла человеческой души с ее ничем не восполнимой любовью, единственно способной соединять несоединимое и гармонизировать жизнь. Любовь как некая сущностная категория бытия никак не вписывается в научную формулу, всегда оставаясь помехой, от которой наука не знает, как избавиться. Когда же наука пытается определить в своих понятиях и категориях любовь, то не в состоянии сделать ничего большего, как редуцировать ее до физиологических процессов, отрывая тем самым шлюзы плотских страстей в массовой культуре. Вначале даже кажется, что такое «научное»

понимание любви на практике не сулит никаких опасностей и, более того, является, очевидно, полезным и целесообразным, но постепенно превращает свободного человека в раба, служащего исключительно законам плоти.

Довольно часто в истории философии и культуры религии отказывали в полноценной познавательной деятельности на том основании, что религия есть область веры, а наука – знания. А. Ф. Лосев считает, что подобный дуализм веры и знания является метафизической проблемой, ибо вера всегда есть вера во что-то определенное, вполне конкретное, имеющее свои характерные признаки. Поэтому он и делает вывод, что «вера в сущности своей и есть подлинное знание; и эти две сферы не только не разъединимы, но даже и неразличимы» [Там же, с. 497].

По мнению Н. Бердяева, вопрос о соотношении веры и знания предполагает два вида исследований. Отталкиваясь от классического определения веры ап. Павла как осуществления ожидаемого и уверенности в невидимом [3, Евр. 11: 1], Н. Бердяев справедливо рассматривает ее как особую разновидность познания. Если вера есть обличение вещей *невидимых*, то знание может быть определено как обличение вещей *видимых* «в смысле принудительной данности или отсутствия принудительной данности. Видимые, то есть принудительно данные вещи – область знания, невидимые, то есть не данные принудительно вещи, вещи, которые должно еще стяжать, – область веры» [2, с. 45].

Еще один упрек в адрес религии связан с религиозным догматизмом, который, якобы, уничтожает познание как таковое. Однако в известной степени и наука догматична, поскольку не может обойтись без неких фундаментальных принципов, определяющих предмет исследования, методы и формы познания. В науке эти основополагающие принципы называются аксиомами, которые обычно рассматриваются в качестве вечных и непреложных истин и принимаются интуитивно без логического обоснования в силу их ясности и очевидности. В современной науке аксиомы часто устанавливаются по соглашению между членами ученой корпорации.

Но если научное знание основано на аксиомах, то оно в какой-то момент может оказаться недостоверным. История науки подтверждает, что время от времени возникают аксиоматические кризисы не только в естествознании, но даже в самой надежной и точной из наук – математике. Наиболее известным примером здесь может быть судьба пятой аксиомы Евклида о двух параллельных прямых, из рассмотрения которой впоследствии развились неевклидова геометрия Лобачевского и сферическая геометрия [12, с. 15].

Однако религиозный догматизм действительно имеет свою специфику, которая проявляется в двух моментах: во-первых, в том, что содержание любого религиозного догмата выражает в словесной форме то или иное сверхъестественное Откровение, а не интуицию отдельного ученого или научного коллектива. Во-вторых, человек, пытаясь выразить абсолютное содержание Откровения в понятиях и определениях, всегда придает им ограниченную историческую форму, которая постоянно совершенствуется, открывая человеку все новые и новые грани неизменного абсолютного содержания. Происходит развитие догмата не в смысле изменения содержания, а в плане его исторического усвоения человеком.

Историк и теоретик Церкви А. В. Карташев поясняет: «Догматы вечны и неисчерпаемы. Этапы их раскрытия в сознании и истории церкви, определения, “оросы” вселенских соборов не есть могильные плиты, приваленные к дверям запечатанного гроба навеки закристаллизованной и окаменелой истины. Наоборот, это верстовые столбы, на которых начертаны руководящие, безошибочные указания, куда и как уверенно и безопасно должна идти живая христианская мысль...» [6, с. 7]. Поэтому религиозные догматы имеют по сравнению с научными аксиомами и постулатами значительно большую степень надежности.

Преимущества научной методологии есть еще один миф современной гносеологии. Триумф науки связан исключительно с исследованиями в области физического мира, с явлениями, относительно легко поддающимися наблюдению, сравнению и описанию путем построения механической модели. В XX веке к этому добавились статистические методы анализа, которые вместе с развивающейся кибернетикой вдохнули свежие силы в пошатнувшийся колосс науки, но принципиально не изменили сути проблемы. Все эти количественные методы анализа, сравнения и интерпретация числовых данных имеют весьма ограниченное применение для изучения внутренней жизни человека, его психики и души.

Попытки психологов в рамках психофизиологического монизма рассматривать человека исключительно с позиций физиологии как продукт взаимодействия с внешним миром, с природной и социальной средой столкнулись с серьезными препятствиями. Поэтому в различных направлениях современной психологии – экзистенциальной, гуманистической, культурно-исторической, христианской – человек уже рассматривается не столько с физиологических, сколько с культурологических, деятельностных, духовных позиций. А в ряде направлений нынешней психологии человек понимается даже как единство духа, души и тела [7, с. 13, 160].

Таким образом, современная наука стоит на рубеже серьезных перемен. Она вынуждена постоянно обновлять арсенал своих понятий и категорий, вводя новые представления о реальности. Так, к примеру, появились понятия «биополя», «биосферы», «ноосферы», которые с трудом входили в нынешнюю парадигму науки, поскольку уводили мысль ученых в область весьма непривычных представлений о природе вещей. Суть этих новшеств состоит в требовании учитывать живое и непосредственное взаимодействие изучаемого предмета с личностью экспериментатора, с его умом и психикой [11, с. 43-46]. В конечном счете, это привело к утверждению в науке, как полагает В. С. Степин, нового типа постнеклассической рациональности [16, с. 14-17].

Цель познания – не просто знание, но установление Истины. Вопрос, заданный римским прокуратором Понтием Пилатом Иисусу Христу о том, что такое Истина, продолжает быть актуальным и сегодня. В философской и научной литературе этот вопрос не получил однозначного решения. «Оказывается, нет такого абсолютного критерия, с помощью которого можно было бы окончательно решить, соответствует данная теория (картина) объективной реальности или нет» [14, с. 130]. Поэтому ученые сегодня предпочитают выдвигать самые разные критерии истины, что создает лишь видимость решения проблемы.

Часто ссылаются на неопровержимую фактичность научного знания, что «наука основана на фактах». Но что это означает? Наука никогда не использует явления объективной действительности в их единичности, всегда рассматривая их в рамках теории, в которой они интерпретируются. Поэтому наука ведет речь не о простых «фактах», но о «научных фактах» и блоках теории, куда эти факты входят и вне которых они просто бессмысленны. Следовательно, вопрос об истинности фактов переносится на проблему истинности самой теории, которая опирается на систему недоказуемых аксиом. Вся система теории становится гипотетичной, вероятно истинной. В этой связи используются дополнительные критерии истины.

Э. Мах вводил принцип экономии мышления и простоты теории. А. Пуанкаре настаивал на красоте математического аппарата. Г. Рейхенбах выдвигал критерий наибольшей предсказательности теории, а К. Р. Поппер разрабатывал принципы «верификации» и «фальсификации». Кто-то превозносил роль здравого смысла, а другие, наоборот, настаивали на «безумности» научной теории. Но все эти критерии «очень далеки от того, чтобы... засвидетельствовать бесспорную истинность той или иной теории» [Там же, с. 132].

Главный критерий научной истины – практика – тоже не может быть последним аргументом в споре. Даже В. И. Ленин, не будучи философом, прекрасно понимал, «что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления» [8, с. 145-146]. А. А. Горелов применяет эту мысль классика марксизма к философии: «Философские системы нельзя полностью подтвердить или опровергнуть: они говорят о мире в целом, претендуя на вселенский масштаб. Критерий истинности – практика – к ним не применим» [4, с. 313].

Религиозное познание, в отличие от научного, пытается обнаружить Истину не методом бесконечно малых приближений, а как основополагающую реальность, пронизывающую все пласты бытия и обнаруживающую себя через Откровение. Религиозное познание является прерогативой внутренней лаборатории человека и представляет собой великую Тайну, понять которую могут не все. В этом есть своя логика – не все люди являются музыкантами, писателями, художниками, философами или учеными. Точно также не все могут понять и почувствовать своеобразие религиозного познания. Для этого надо иметь особый духовный орган – «чистое сердце», которое отвечает за религиозное видение мира [19, с. 202]. Русский поэт и переводчик В. Г. Бенедиктов, развивая эту тему, писал:

Сквозь миры, сквозь неба крышу
Углубляюсь в естество,
И сдается – вижу, слышу,
Чую сердцем Божество [1, с. 245].

Важно отметить, что религиозный опыт, если совершается по определенным канонам, то переводит веру и индивидуальные внутренние ощущения в область объективного знания. Подвижники христианского благочестия, соблюдая установленные Церковной Традицией правила и предписания духовной работы, приходят к одним и тем же результатам, объективным по форме своего проявления. Это – разнообразные сверхъестественные чудеса, которые они совершали независимо от субъективных человеческих рассуждений. В святоотеческом Предании собран многовековой эмпирический опыт Богообщения, который, правда, нуждается в современном осмыслении и изложении, примером которого может служить исследование о жизни и творчестве средневекового мыслителя прп. Симеона Нового Богослова [17].

Исследование проблемы соотношения науки и религии позволяет сделать вывод о том, что наука не противоречит религии, а религия науке, ибо они имеют разные предметы исследования. Наука изучает мир природы, а религия осваивает сверхъестественный мир. Однако следует отметить, что в христианском Предании «Книга природы» диалектически дополняет Священное Писание: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» [3, Пс. 18: 2]. Только в реальном синтезе различных форм мышления и знания возможно гармоничное продвижение человека к Истине. Науке и религии в этом синтезе принадлежит не последняя роль. Сознание современного общества постепенно приходит к пониманию необходимости религиозных институтов, налицо определенная тяга к получению религиозного опыта, хотя еще недостаточно ясно осмысленная. Немаловажно выбраться из порочного круга ограниченного сциентистского мировоззрения, на многие годы сковавшего наше общественное сознание. При этом важно также не попасть в другую крайность. Религиозная точка зрения на мир, взятая обособленно от науки, философии, художественного творчества, может лишить человека полноты бытия.

Список источников

1. Бенедиктов В. Г. Стихотворения / сост., подготовка текстов и прим. Б. В. Мельгунова. Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1983. 816 с.
2. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
3. Библия. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988. 1008 с.
4. Горелов А. А. Древо духовной жизни. М.: ТОО «SvR-Аргус», 1994. 359 с.
5. Жильсон Э. Философия в Средние века. От истоков патристики до конца XIV века. М.: Республика, 2004. 678 с.
6. Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 541 с.
7. Котенева А. В. Психологическая защита личности. М.: МГГУ, 2013. 562 с.
8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Политическая литература, 1968. Т. 18. С. 7-384.

9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 393-649.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 414-429.
11. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 278 с.
12. Начала Евклида / пер. с греч. и коммент. Д. Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии М. Я. Выгодского и И. Н. Веселовского. М. – Л.: ГТТИ, 1948. Кн. I-VI. 448 с.
13. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. 692 с.
14. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины (основное богословие). М.: Даниловский благовестник, 1997. 336 с.
15. Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны? // Новая газета. Приложение «Кентавр». 2007. 22 июля.
16. Степин В. С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. Т. 1. № 1. С. 6-27.
17. Чельшев П. В. Преподобный Симеон Новый Богослов о духовном преображении человека. Акафист. М.: Православный приход храма св. вмч. Димитрия Солунского, 2004. 256 с.
18. Чельшев П. В. Религия как чувство и вкус к бесконечности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. 1. С. 196-199.
19. Чельшев П. В. «Сердце» героев «Илиады» в свете Библии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. 1. С. 202-204.
20. Шестов Л. И. Афины и Иерусалим. М.: Хранитель, 2007. 416 с.
21. Шлейермахер Ф. Э. Речи о религии. Монологи. М. – К.: REFL-book; ИСА, 1994. 432 с.

PROBLEM OF CORRELATION OF SCIENCE AND RELIGION AS FORMS OF COGNITION IN HISTORY OF CULTURE

Chelyshev Pavel Valentinovich, Doctor in Philosophy, Professor
National University of Science and Technology "MISiS" in Moscow
Simeon5@rambler.ru

The article presents a comparative analysis of science and religion as specific forms of cognitive activity, which have their own subjects, structure and research methods. If science aims to study objective laws of nature and society, religion is occupied with cognition of the subject's internal world, establishing connection of the man with supernatural reality and subsequent consolidation of the human being in eternity. It is shown that science and religion complement each other in cognition of Truth while reading "The Book of Nature" and the Sacred Scriptures.

Key words and phrases: knowledge; truth; culture; methodology; science; modern period; cognition; religion; The Middle Ages.

УДК 7; 78

Искусствоведение

Основная направленность данной работы связана с развитием пространственной проблематики музыковедения. В ней рассматривается, каким образом метафора «пространство» организует семантическое поле музыкального произведения, которое, с одной стороны, несет пространственную интенцию его автора, а с другой – репрезентирует одну из актуальных философско-эстетических концепций современного музыкального искусства – концепцию сакрального пространства. Когнитивными координатами сакрального пространства выступают идея синкретизма и эстетика минимализма.

Ключевые слова и фразы: художественная репрезентация пространства; идея синкретизма; минималистская эстетика; «фонемы» тишины; стратегия композиторского творчества.

Чепеленко Ксения Олеговна, к. соц. н.

Институт развития бизнеса и стратегий

Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.

kseniya_ch@list.ru

ПРОСТРАНСТВО СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ: К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕ В МУЗЫКЕ

Пространственная тематика в искусстве представляет обширнейшую область науковедения; ей посвящены многие исследования и дискуссии различных уровней, монографии и публикации. В данной работе в русле музыковедческого исследования представляется возможным осветить на вопрос художественной репрезентации пространства как особого семантического пространства музыкального произведения.

Оригинальное художественное претворение пространственной интенции определяет основную специфику фортепианной пьесы В. Мартынова «Пространство скрытого произнесения» (2012). Развернутый в ней